

СИМВОЛИКА ОБРАЗОВ ЦВЕТОВ В ЛИРИКЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Ю.У. Матенова

*д.ф.н., доцент кафедры русского языка и литературы
Национального педагогического
университета Узбекистана имени Низами*

Б. Мирзаева

matenova.julia@gmail.com

DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.18072113>

***Аннотация.** Статья посвящена анализу символики цветочных образов в поэзии Серебряного века. В центре внимания находятся особенности функционирования образа цветка в лирике ведущих представителей эпохи – И.А. Бунина и И. Северянина. Рассматривается, как традиционные флористические мотивы получают новое звучание в условиях духовных и эстетических поисков начала XX века. Особое внимание уделяется сопоставлению индивидуальных поэтических стратегий, что позволяет выявить общие закономерности и уникальные авторские трактовки мотива цветка.*

***Ключевые слова:** образ цветка, пейзаж, созерцание мира, эмоциональное звучание, символ, олицетворение, лирический герой.*

Лирика поэтов Серебряного века отличается особой чуткостью к деталям духовной и материальной реальности, и одним из наиболее выразительных её образов становится образ цветка. Цветы в поэзии начала XX века перестают быть лишь элементом пейзажа: они превращаются в многозначные символы, отражающие мировоззренческие поиски эпохи, тонкие эмоциональные состояния и эстетические ориентиры различных поэтических школ. У акмеистов они нередко обретают черты земной осязательности, у символистов – служат знаками потаённого, мистического смысла, у футуристов – подвергаются переосмыслению в духе художественного эксперимента. Исследование цветочной символики позволяет глубже понять не только индивидуальные поэтические миры Блока, Ахматовой, Цветаевой, Бунина, Северянина и других мастеров Серебряного века, но и внутреннюю динамику всей эпохи, стремившейся к обновлению художественного языка и раскрытию новых горизонтов чувственного восприятия.

Иван Алексеевич Бунин – крупная фигура русской литературы, прежде всего, прославившаяся как мастер прозы. Однако литературная биография писателя началась именно с поэзии, и уже ранние стихи позволили ему войти в блистательную плеяду поэтов Серебряного века. Лирика Бунина, хоть и не столь обширна, как его прозаическое наследие, отличается необыкновенной цельностью, глубиной и тонкостью наблюдения.

Поэтический мир И.А. Бунина – это своеобразная художественная вселенная, в которой каждая деталь обладает символической значимостью. Каждое стихотворение представляет собой самостоятельный микрокосм, связанный с другими общими мотивами: памятью, природой, одиночеством, любовью, задумчивым созерцанием мира. Будучи приверженцем реалистической традиции, Бунин сохраняет верность культурной преемственности и отдаёт предпочтение тем образам, которые веками укоренялись в русской словесности. Это относится и к цветочной символике, где выбор растений не случаен и опирается на глубокие эстетические и мировоззренческие основания. Для Бунина важна «культурная прапамять», ощущение связи человека с природой и традицией, поэтому названия цветов у него чаще всего предельно конкретны и узнаваемы.

Лирическое пространство Бунина наполнено как полевыми, так и садовыми цветами. В его стихах встречаются образы колокольчиков, льна, медуницы, васильков, фиалок, жасмина, ландышей, лилий, роз, хризантем, настурций, астр, кувшинок – широкий спектр растений, каждое из которых включено в поэтическую ткань с особой точностью и внутренней логикой. Если обратиться к корпусу стихотворений писателя, можно насчитать около двадцати одного текста, где цветочная символика играет важную роль, что позволяет говорить о значимости этого образа в его творчестве.

Цветы у Бунина нередко становятся центральными образами, определяющими эмоциональное звучание стихотворения. Некоторые произведения посвящены им напрямую; в других цветы выступают как выразительные художественные детали, задающие настроение и ритм. Так, в одном из стихотворений «в сизых ржах васильки зацветают, бирюзовый виднеется лен» [1] – здесь цветы становятся частью живого, трепетного пейзажа, наполненного движением и красками. В другом тексте «колокольчик в молчании бора то замрет, то опять зацветет» [1] – образ цветка подчёркивает тонкую связь природы и человеческой эмоции. В стихотворении о весеннем пробуждении «кругом зеленый лес ликует, и цветут фиалки у корней» [1] цветы выступают как знак обновления и торжества жизни. Образ лилии у него часто приобретает оттенок древности и тайны: «она как будто выросла со дна и допотопной лилией краснеет» [1]. В осенних стихах «осыпаются астры в саду» [1] или «на серебряном от инея окне за ночь хризантемы расцвели» [1] цветы становятся символом хрупкости, увядания и быстроты времени. Повеяло прохладой и лесной свежестью в строках: «пахнет под росой медуница» [1]. А жасмин у Бунина – символ знойного, почти одурманивающего лета: «жасмином пахнет жаркий день» [1]. Наконец, образ розы, столь традиционный в мировой

поэзии, получает у Бунина новое звучание: «две розы под окном раскрылись – две чаши, полные огня» [1] – здесь цветы наполнены внутренней силой и страстью, что делает мотив символически многомерным.

Цветочная символика в поэзии Бунина – не просто часть пейзажа. Это живые знаки, через которые писатель выражает задумчивость, нежность, печаль, мгновенность переживания, ощущение красоты мира и единства человека с природой. Благодаря этому цветы становятся одной из ключевых составляющих его поэтического языка.

Говоря о поэзии И. Северянина, трудно не заметить, что практически в каждом его лирическом произведении присутствует тот или иной цветок. «В час раздумий наших и тревог, \ В горький час беды и неудачи, \ Видел я: цветы, как люди, плачут \ И росу роняют на песок», [2, с. 258] – писал Расул Гамзатов, метафорично скрывший за цветами души людей, «тех друзей, что навсегда ушли». Такие метаморфозы были близки и «Королю поэтов», тщательно вырисовывавшему образ своих героев путём психологического параллелизма, соотнесения мира природы и человека. Биполярность самого автора не могла не отразиться на облике его лирического героя: с одной стороны, это персона беззащитная, с другой – сильная своей индивидуальностью, непохожестью. В лирике Северянина представлена оригинальная фитогалерея. Здесь есть всё: от откровенно русских лютиков до суперэкзотических карилописисов.

Например, сирень в языке цветов трактуется как красота, поэтому произвольный выбор такого растения кажется очевидным. Если мы обратимся к стихотворению «Надрубленная сирень» (1908), то заметим, что помимо значения прекрасного в психологическое объяснение цветка вкладывается ещё и ожидание мечты, которой не суждено сбыться:

Запахло сеном.

И с зимним пленом

Земля простилась... Но что за сны?!

Согнулись грабли...

Сверкнули сабли,

И надрубили сирень весны!.. [3, с. 258].

Это на первый взгляд незатейливое стихотворение поднимает серьёзную проблему бескультурья и вандализма дореформенного общества. Лирического героя пугает бессмыслие, господствующее в умах народа, – отсюда многоточие в конце строфы, воспринимаемое нами как символ отчаяния и безысходности.

В стихотворении «Мороженое из сирени!» (1912) «надрубленный» символ естественного людского бытия превращается в «культурное» изделие, имеющее

денежный эквивалент («Полпорции десять копеек...») и предназначенное «площади»: «Поешь деликатного, площадь: придётся товар по душе!» [3, с. 95].

Совершенно по-иному автор демонстрирует всё ту же «сирень весны» в «Интермеццо» (1910). Цветок приобретает черты влюблённой в поэта девушки; с помощью олицетворений и симфор Северянин воссоздаёт образ одурманенного чувствами героя:

Моей весны сирень грузила в грёзы разум,
Пила мои глаза, вплетала в брови сны,
И, мозг испепелив, офлерила экстазом
Сирень моей весны... [3, с. 217].

Игорь Шкляревский в произведении «Тень птицы. Три повести.» высказал интересную идею: «Бабочка поедает траву, птица – бабочку, человек – птицу или рыбу, а земля – человека. Но это жизнь. Слава богу, она продолжается. Страшнее, когда человека пожирает счастливая забывчивость» [4]. И. Северянин, полемизируя со Шкляревским, приходит к той же мысли, утверждая в своём стихотворении «Фиалка» (1911), что полное ощущение счастья возможно лишь при сопряжении его с печалью:

О ты, чьё сердце крылит к раздолью,
Ты, триумфатор, ты властелин!
Приди, любуйся моей фиолью –
Моей печалью в снегах долин.

О ты, чьи мысли всегда крылаты,
Всегда победны, внемли, о ты:
Возьми в ладони меня, как в латы,
Моей фиолью светя мечты!.. [3, с. 65]

В стихотворении созданный автором лирический герой сравнивает себя с **фиалкой**:

Мне больно-больно... Мне жалко-жалко...
Зачем мне больно? Чего мне жаль?
Ах, я не знаю, ах, я – фиалка,
Так тихо-тихо ушла я в шаль. [3, с. 65].

В толковании цветов «фиалка – достоинство и скромность». Благодаря такому образу-символу характер приобретает антонимические, но вместе с тем, дополняющие друг друга качества – крайнюю чувствительность и целеустремлённость в следовании за своей «фиолью мечты».

При анализе поэзии И. Северянина можно выявить наиболее популярные, часто используемые номинации цветов: сирень, ландыш, фиалка. На наш

взгляд, такой выбор обусловлен желанием заявить о своём внутреннем состоянии, о естественности, о неприемлемости для поэта надуманной кокетливости, фальши. А также, углубившись в психоанализ стихотворений через цветочные образы, замечаешь параллели между тонким, ненавязчивым, изысканным цветочным ароматом и «ажурной» поэзией И. Северянина.

Литература

1. Бунин И.А. Стихотворения в 2 т. – СПб: Вита Нова, 2014. – Режим доступа: <https://ru.wikisource.org/wiki>.
2. Гамзатов Р. Стихи и поэмы. – М.: Известия, 1974. – 148 с.
3. Северянин И. Стихотворения / Сост., вступ. ст. и примеч. В.А. Кошелева. – М.: Советская Россия, 1988. – 214 с.
4. Шклярский И. Тень птицы / Юность, – №12, 1975. – 128 с.